

РОССИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

RUSSIA YESTERDAY, TODAY, TOMORROW

DOI: 10.31249/rsm/2021.04.01

Т.В. Черникова

«ГОСУДАРЕВО СЛОВО И ДЕЛО» ВО ВРЕМЕНА ПЕРВЫХ РОМАНОВЫХ

Аннотация. Статья посвящена истории появления в России XVII в. розысков по «государеву слову и делу». Понятие «политическое преступление» («государево слово и дело») было впервые определено в Соборном уложении царя Алексея Михайловича 1649 г. Но уже в первой половине XVII в. стало происходить стихийное выделение ряда дел из общей следственной практики. Сразу после завершения Смуты у государственной власти, как центральной, так и местной, появилось интуитивное понимание, что даже мелкие проступки, бросающие тень на имя государя, опасны и должны преследоваться особо как дела государственной важности.

Автор уделяет большое внимание анализу положений Второй главы Соборного уложения 1649 г., которая была посвящена отделению политических преступлений от уголовных и гражданских дел. Также рассмотрена та часть деятельности приказа Тайных дел (Тайного приказа), которую можно связать с политическим сыском в царствование Алексея Михайловича. Анализ розысков по «государеву слову и делу» основывается на изучении материалов архива Тайного приказа, полностью опубликованного в начале XX в. Археографической комиссией. Затронута история отражения в документах Тайного приказа и некоторых других государственных органов таких крупных «государевых слов и дел», как розыски, связанные с Медным бунтом, делами патриарха Никона, Степана Разина, следствием, возбужденным в связи с попытками сорвать заключение брака Алексея Михайловича с Натальей Нарышкиной и некоторые другие дела.

В статье также ставится вопрос о возможности рассмотрения Тайного приказа как предшественника регулярных сыскных органов политического сыска и рассматриваются мнения историков XVIII – начала XXI в. по этому поводу. Автор придерживается позиции, признающей за Тайным приказом значительную роль в развитии практики политического сыска XVII в., но солидаризуется с мнением большинства современных исследователей, которые воспринимают Тайный приказ как многофункциональный орган, отражающий поиски царской властью путей модернизации и централизации государственного управления по мере укрепления российского самодержавия во второй половине XVII в.

Ключевые слова: «Государево слово и дело»; политический сыск времен первых Романовых; Соборное уложение 1649 г.; Тайный приказ Алексея Михайловича.

Черникова Татьяна Васильевна – доктор исторических наук,
профессор кафедры всемирной и отечественной истории
Московского государственного института международных отношений
МИД России (МГИМО). Россия, Москва.
E-mail: tchernikova1961@mail.ru
Web of Science Researcher ID: AAG-6517-2020

Chernikova T.V. «The sovereign's word and deed» in the times of the first Romanovs

***Abstract.** The article is devoted to the history of the appearance in Russia of the 17th century searches for «the Sovereign's Word and Deed». It is known that the concept of political crime («the Sovereign's Word and Deed») was first defined in the Cathedral Code of Tsar Alexei Mikhailovich in 1649. The article shows that this was preceded by the spontaneous separation of many cases from the general investigative practice in Russia in the 17th century. Immediately after the end of the Turmoil, both the central and local state authorities had an intuitive understanding that even minor offenses casting a shadow on the name of the sovereign are dangerous and should be prosecuted as matters of state importance.*

The author pays great attention to the analysis of the Second Chapter of the Cathedral Code provisions, which was devoted to the separation of political crimes from criminal and civil cases. The article also analyses the part of the Command of Secret Affairs (Secret Order) activities, which can be associated with political investigations during the reign of Alexei Mikhailovich. The analysis of searches for «the Sovereign's Word and Deed» is based on the study of materials from the archive of the Secret Order, completely published at the beginning of the twentieth century by the Archaeographic Commission. The article also shows the history of coverage in the documents of the Secret Prikaz and some other state bodies of such large «Sovereign Words and Deeds» as the Copper Riot, the cases of Patriarch Nikon, Stepan Razin, the investigation initiated in connection with attempts to disrupt the marriage of Alexei Mikhailovich with Natalia Naryshkina and some others.

The article also raises the question of the possibility of considering the Secret Order as a predecessor of regular detective bodies of political investigation and examines the views of historians of the 18th – early 21st centuries on this account. The author shares the position that recognizes a significant role for the Secret Order in developing the practice of political investigation of the 17th century. She agrees with the opinion of most modern researchers, who perceive the Secret Order as a multifunctional body reflecting the search for ways of modernization and centralization of state administration by the tsarist government during the formation of the Russian autocracy in the second half of the 17th century.

Keywords: «The sovereign's word and deed»; a political investigation of the times of the first Romanovs; Cathedral Code of 1649; Secret Affairs Prikaz (Office) of Alexei Mikhailovich.

Chernikova Tatiana Vasil'evna – Doctor of Historical Sciences,
Professor of Department of World and National History
at MGIMO-University. Russia, Moscow.
E-mail: echernikova1961@mail.ru
Web of Science Researcher ID: AAG-6517-2020

Введение

Задачей нашей статьи будет анализ феномена «государева слова и дела» в царствование первых Романовых. Объектом исследования выступит само понятие «государева слова и дела», предметом – его законодательное оформление, ряд конкретных процессов по «государеву слову и делу», участие в расследованиях отдельных лиц, деятельность Тайного приказа, которая прямо или косвенно относилась к преследованию политических преступлений.

Наш интерес к «государеву слову и делу» XVII в. обусловлен тем, что история преследования политических преступлений во времена Михаила и Алексея Романовых изучена куда меньше деятельности органов политического сыска XVIII в., хотя практика выделения «политических дел» из общей массы караемых государством деяний появилась в первой половине XVII в. вскоре после Смуты, а законодательно они были обособлены в 1649 г. в Соборном уложении.

Вторая глава Уложения и документы различных органов местной и центральной власти, особенно Тайного приказа составили источниковую базу нашей статьи. Труды Археографической комиссии дела Тайного приказа были опубликованы в четырех книгах, вышедших в 1907, 1908, 1904, 1926 гг., подлинники хранятся в РГАДА.

Изучение отдельных следствий по государеву слову и делу первой половины – середины XVII в. началось еще в XVIII в. И.И. Голиков и В.Н. Татищев, а также французский историк Н.-Г. Леклерк (Nicolas-Gabriel Clerc) первыми выдвинули гипотезу о Тайном приказе царя Алексея Михайловича как первом российском органе политического сыска. В XIX в. близкой трактовки придерживались К. Валишевский и Н.И. Костомаров, а позже и первый историк-марксист М.Н. Покровский. Однако обстоятельный труд И.Я. Гурлянда «Приказ великого государя Тайных дел» (1902), серьезно опровергает такой подход.

Сейчас оценка Тайного приказа как первого органа политического сыска чаще всего встречается в научно-популярной литературе по истории спецслужб. Профессиональные историки не склонны видеть в Тайном приказе регулярный орган политического сыска. Между тем его отношение к становлению системы политического сыска требует дальнейшего изучения.

Первые прецеденты расследований по «государеву слову и делу» после Смуты

Расправы государей всея Руси над своими внутренними противниками были не редки уже в XV–XVI вв. Но Судебники 1497 и 1550 гг. не выделяли поступки «изменников» в отдельное судопроизводство.

Массовое распространение действий против власти государя, оскорбления в адрес членов его семьи, произнесение слов, наносящих ущерб царскому

престижу, все это относится к смутным временам конца XVI – начала XVII в. По завершении Смуты стало вырабатываться понятие «государево слово и дело», которое с определенной натяжкой можно соотнести с современным понятием политического преступления.

Первоначально трактовка «государева слова и дела» была широка. Бывали случаи отнесения «государева дела» к находке клада или залежей руды, к жалобам крестьян на помещиков или на произвол начальников [Курукин 2008, с. 8–10]. Но постепенно отличительной чертой всего, отнесенного к «государеву слову и делу», стала антиправительственная направленность.

Приведем ряд примеров. В начале 1614 г. белгородский воевода В. Татищев расследовал дело местного «вожа» (проводника) Семена Телятникова, который в ответ на пожелание здоровья царю Михаилу Романову, произнесенное боярским сыном Иваном Забусовым, сказал: «Нет де, здоров бы де был царь Димитрий». Забусов подал донос воеводе, а собранные свидетели донос подтвердили. Телятников с пытки утверждал, что «в те поры был пьян и того не упомнит, что про царя Димитрия бредил с хмелю». Телятникова вместе с записью его речей и показаний свидетелей отослали в Москву. Пожитки колодника «запечатали» до царского указа [Марьин 1966, с. 215–218]. Чем окончилось дело неясно.

В 1616 г. житель Москвы Федька заявил во всеуслышанье: «Нам де и государь стал пуще Лисовского!» [Марьин 1966, с. 216] А в Переславле один казак грозился царю Михаилу горло перерезать. В 1624 г. о «добром царе Дмитрие Ивановичи» вспоминали прилюдно новосильский пушкарь Андрей Дубенец, а в 1625 г. – крестьяне деревни Кривцовой Комаринской области.

«Воскресали» иногда и образы более старых врагов Романовых. В 1627 г., будучи в гостях у «Серёжки», крестьянина села Волосовицы Ливенского уезда, гуляющий человек Васька Лось затянул песню о царе Борисе Годунове, за что по доносу гостей угодил в воеводский застенок. На розыске по «государеву делу» Ваську Лося трижды пытали огнем, подвергли 10 «стряскам» на дыбе и 100 ударам кнута, выбив признание, что пел он «с простоты», а «воровства» (т.е. замыслов против действующего царя Михаила) никакого не имел [Новомбергский 2004, с. 72].

Примером неопасного для власти самозванства является случай с неким Богданом Резановым, который в 1627 г. в Белгороде, «пьючи на кабаке, говорил непригожее слово и называл себя царевым сыном». Донос собутыльников привел Богдана в застенок. «...А какого царя он сын» выяснить там не смогли несмотря на 45 ударов кнута и пытки огнем. Резанова свезли в Москву [Марьин 1966, с. 215–218], где след его и затерялся.

Неосторожная игра словом «царь» также стала тянуть на «государево слово и дело». Житель села Серебряного Мешовского уезда Гришка Бурдыкин в 1626 г., вспоминая себя в Смуту, заявил дворянину Ермолаю Лабодинскому:

«Как де бы я был в Серпейском уезде в деревне Мишневой, и я де был царь в те поры». А холоп Савва Васильев говорил в калужской темнице другому колоднику: «Сижу де я топерва в темнице в бедности, а как выйду из тюрьмы, и я де буду над вами, мужики, царь» [Марьин 1966, с. 215–218].

Примеры подобных следствий в провинции с последующей отсылкой колодников по «государеву слову и делу» в Москву характерны для царствования Михаила Романова. Богатый фактический материал на эту тему собран в исследовании дореволюционного историка Н.Я. Новомбергского [Новомбергский 2004], статье советского историка В.И. Марьина [Марьин 1966, с. 215–218], а также в статье современного историка А.Ю. Рощупкина, посвященной практике доносов в среде сынов боярских южных уездов России [Рощупкин 2017]. А.Ю. Рощупкин пришел к выводу, что в массе своей «изветы» о «государевом слове и деле» совершались дворянами без какого-либо политического подтекста или служебного рвения. Доносили чаще всего из зависти, мести или пытаясь оградить себя от уголовного разбирательства.

После Смуты с ее меняющимися претендентами на государев трон царь Михаил и его отец патриарх Филарет должны были всеми доступными способами внушать населению представление о себе как о единственной легитимной верховной власти, изгнать всякое «доброе» воспоминание о «природном царе Димитрии» или Борисе Годунове. В этом ключе был написан официальный «Новый летописец», а предельная жестокость первых уездных розысков по «государеву слову и делу» с последующей высылкой виновных в Москву и возможной там казнью являлись типичным средневековым инструментом «воспитания» подданных.

При этом земская монархия Михаила не озаботилась составлением нового кодекса законов с внесением в него понятия «государева слова и дела». В итоге инициатива в развитии политического сыска всю первую половину XVII в. оставалась за розыскной практикой и носила стихийный характер.

Формирование понятия «политическое преступление» в России в середине XVII в.

На третий год царствования Алексея Михайловича политическая элита пережила сильное потрясение, вызванное Соляным бунтом 1648 г. Несколько видных государственных управленцев (судья Земского приказа Леонтий Плещеев, глава Пушкарского приказа окольный Петр Траханиотов, глава Посольского приказа думный дьяк Назарий Чистой) оказались убиты как «изменники». Двоюродный дядя царя Никита Иванович Романов и сам Алексей Михайлович были вынуждены умиротворять народ «добрым словом». Именно тогда сложилось понимание того, что относится к «государеву слову и делу».

Мифологема «добрый царь – плохие бояре» направляла народный поиск «изменников» в среду царских управленцев. В Томске, к примеру, в 1648 г. посадские люди, недовольные воеводой О.И. Щербатовым, объявили на него «государево дело», что вылилось в итоге в открытый «бунт скопом».

Во Второй главе Соборного уложения 1649 г. понятие «государево слово и дело» наполнилось вполне конкретным содержанием. Глава содержала 22 статьи. Из контекста статей явствует, что понятия «изменник», «великое Государево дело» (упомянуто в ст. 12, 16, 17), «государево дело или слово» (ст. 14) уже хорошо устоялись. Из примеров розысков времен Михаила Романа, которые мы привели выше, следует, что «государево слово и дело» могло включать в себя буквально все, что содержало явную или даже мнимую опасность для власти, здоровья и престижа царя, его семьи и правительства. При этом понятие «государево слово и дело» еще не стало термином, всеобъемлющим для всех видов политических преступлений. Отдельно от него или параллельно с ним статьи Второй главы Уложения ставят «измену» (упоминается в разных статьях 9 раз) и реже значатся: «скоп», «заговор» и «или иной какой злой умысел».

Из всех перечисленных терминов наиболее конкретно определялась «измена». Причем различались «измена» как предательство в пользу другого государства и «измена» внутренняя.

«3. А будет кто Царскаго Величества недругу город сдаст изменою, или кто Царскаго Величества в города примет из иных государств зарубежных людей для измены же, а сыщется про то допряма: и таких изменников казнить смертию же» [ПСЗРИ 1830, с. 4.]. Уложение полагает, что такую измену могут совершать прежде всего служилые люди по отечеству (офицерский состав войска). По крайней мере вслед за указанием казнить изменника следует статья с требованием «...поместья и вотчины и животы (л. – т.е. имущество) изменничьи взяти на государя» [ПСЗРИ 1830, с. 4]. Конфискация землевладения и пожитков предусматривалась и для внутренних изменников. Для понятия внутренней «измены» имелся синоним – «воровство». «Вор» на юридическом языке XVII в. – это государственный преступник, а не тот, кто крадет какие-то вещи. Последний определялся как «тать» (кража – «татьба»). Слово «изменник» во Второй главе было упомянуто 10 раз, но конкретный вариант «измены-воровства» был прописан один – это поджоги:

«4. А будет умышлением и изменою город зажжет, или двory, и в то время или после того зажигальщик изыман будет, и сыщется про то его воровство допряма: и его самого сжечь без всякого милосердия» [ПСЗРИ 1830, с. 4].

Такое внимание к поджогам очевидно было порождено чрезмерным их распространением и колоссальным ущербом как для людей, так и для казны. Неслучайно Уложение, требующее за любое преступление, перечисленное в статьях Второй главы смертную казнь, здесь уточняет: поджигателя сжечь.

Такая мера наказания в Уложении прописана еще раз лишь однажды. В первой статье Первой главы Уложения говорилось, что сожжен должен быть иноверец любой конфессии или русский человек, который «возложит хулу на Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, или на рождшую Его пречистую Владычицу нашу Богородицу и приснодеву Марию, или на честный Крест, или на Святых Его угодников» [ПСЗРИ 1830, с. 3].

Первые две статьи или, как говорили в XVII–XVIII вв., «пункты» Второй главы Уложения определяли наиболее тяжелые преступления, по которым в первую очередь должно было заявлять «слово и дело»:

«1. Будет кто каким умышлением учнет мыслити на Государское здоровье злое дело, и про то его злое умышление кто известит, и по тому извету про то его злое умышление сыщется до пряма, что он на Царское Величество злое дело смыслил, и делать хотел: и такова по сыску казнити смертию.

2. Также будет кто при державе Царского Величества, хотя Московским государством завладеть и Государем быть, и для того своего злова умышления начнет рать собирать, или кто Царского Величества с недругом учнет дружитья, и советными грамотами ссылатися, и помочь им всячески чинити, чтобы тем Государевым недругам, по его ссылке, Московским государством завладеть, или какое дурно учинить, и про то на него известить, и по тому извету сыщется про тое допряма: и такова изменника по тому же казнити» [ПСЗРИ 1830, с. 3–4].

То, что за государевым здоровьем упоминалась попытка завладеть Московским государством, указывает, что и в середине XVII в. законодатель ощущал опасность такой перспективы, причем исходящей не столько извне, сколько изнутри самого русского общества, где, как опасались, еще можно, как в Смуту, собрать рать на государя и отобрать его престол. Ст. 18–21 призывают «всяких чинов людей», если сведают или услышат про «скоп, и заговор, или иной какой злой умысел» «в каких людях», немедля доносить. Статьи определяют направленность «скопа», «заговора» не только против самого государя, преступлениями государственной важности объявляются также действия и умыслы против «Его Государевых бояр и Окольных и Думных и ближних людей, и в городах воевод и приказных людей» [ПСЗРИ 1830, с. 5]. Имелись в виду неподчинение их распоряжением, угрозы расправы или прямые убийства, грабеж домов и имущества. Местами же, где возможны «скопы» и «заговоры», ст. 20 называет города и полки.

Отличительной чертой Уложения 1649 г. в сравнении с более поздними законодательными актами о государственных преступлениях Петровского времени и эпохи дворцовых переворотов, являлось то, что, требуя от всех чинов доносов об изменах, воровстве, скопе, заговоре и иных злых умыслах, оно не обещало изветчикам вознаграждения. Была прописана лишь одна ситуация, когда награда обещалась:

«12. А будет кто изменника догнав на дороге убьет, или поймав приведет к Государю, ...тому... дати Государево жалование, что государь укажет» [ПСЗРИ 1830, с. 5].

Отсутствие вознаграждения доносчикам объяснялось скорее всего тем, что имевшаяся к 1649 г. практику расследований по «государеву слову и делу» переполняли ложные доносы. Неслучайно каждая из 22 статей Второй главы требует проверки «изветов» («а сыщется про то допряма») и в случае, если кто «на кого доводил Государево великое дело, или измену, а не довел», т.е. не доказал, то «тому изветчику тоже учинити, чего бы довелся тот, на кого он доводил». А это, между прочим, была по закону только смертная казнь. За недонесение ст. 19 требовала «казнити смертию без всякой пощады».

Очень обстоятельно Вторая глава Уложения прописывала участь родственников «изменников» и прочих, признанных виновными по «государеву слову и делу». Против старомосковских судебных обычаев Уложение запрещало наказывать и отнимать имущество, вотчины и поместья у родни преступника, если «сыскивалось допряма», что они не знали о злом умысле или деле преступника. При этом «розыскивать» о причастности родни, как жившей под одной кровлей с преступником, так и жившей отдельно, было обязательно.

На практике к «государеву слову и делу» могли отнести деяния, которые не были прописаны в Уложении. К последним относились, к примеру, «позорные и непристойные слова», «неистовые речи», слухи и разговоры с упоминаниями всуе имен живых или почивших членов правящей династии, описки в царском титуле и т.п.

Очень поверхностно Уложение регламентировало начало процесса по «государеву слову и делу». Изветы могли получать и начинать расследование как сам государь, так и бояре, воеводы, приказные люди (ст. 18). Никаких новшеств против практики первой половины XVII в. не вносилось. Не прописывалось и как вести розыск. Следственный процесс был предоставлен воле тех, кто его вел. На практике вырабатывались приемы, методы и порядок следствия, соображения здравого смысла вносили коррективы в суровость наказаний. Против требований Уложения мелкие проступки по «государеву слову и делу» не карались смертью. В отличие от законодательства практика учитывала разницу между умыслом и действием.

Судебный обычай, а не нормативный акт, определял, что считать отягчающими обстоятельствами, а что – смягчающими. Сопровождение непристойных слов матерной бранью являлось отягчением вины ввиду того, что в XVII в. мат сохранял подтекст ритуального заговора [Успенский 1994, с. 53–60], который официальной церковью почитался за наказуемое суеверие, а на уровне массового менталитета сохранялась вера в действенность матерных «пожеланий». Это приравнивало матерную брань к колдовству и ворожбе, за

которые закон требовал смертную казнь. А вот действие или бездействие «с простоты» (незнания) или «с пьяна» давали повод следователям-судьям отнестись мягче к подсудимому.

В преддверии становления системы политического сыска Тайный приказ Алексея Михайловича

Первым учреждением, имевшим отношение к следствиям по «государеву слову и делу», оказался Тайный приказ (приказ Тайных дел). Он был учрежден в 1654 г., когда началась Русско-польская война за Украину, и царь отправился в свой «белорусско-литовский» поход. Новый приказ должен был рассматривать поданные на царское имя челобитные. К 1658 г. функции Тайного приказа вышли за первоначально очерченные рамки. Члены Боярской думы не могли вмешиваться в его дела.

Беглый подьячий Посольского приказа Григорий Котошихин, создавший по запросу приютивших его шведских властей подробное описание России, приводил в качестве главной причины создания Тайного приказа желание царя надзирать за действиями послов, начальников центральных и местных органов государственной власти, ибо подозревал их в частом отклонении от духа его распоряжений. Сам Котошихин формулирует это так: «Приказ Тайных Дел; а в нем сидит диак, да подьячих с 10 человек, и ведают они и делают дела всякие царские, тайные и явные; и в тот Приказ бояре и думные люди не входят и дел не ведают, кроме самого царя. А посылаются того Приказу подьячие с послами в государства, и на посольские съезды, и в войну с воеводами, для того что послы, в своих посольствах много чинят не к чести своему государю, в проезде и в разговорных речах, как о том писано выше сего в посольской статье, а воеводы в полках много неправды чинят над ратными людьми, и те подьячие над послами и над воеводами подсматривают и царю приехав сказывают: и которые послы, или воеводы, ведая в делах неисpravление свое и страшась царского гнева, и они тех подьячих дарят и почитают выше их меры, чтоб они будучи при царе их послов выславляли, а худым не поносили. А устроен тот Приказ при нынешнем царе, для того чтоб его царская мысль и дела исполнились все по его хотению, а бояре б и думные люди о том ни о чем не ведали» [Котошихин 1884, с. 96].

В иерархии ведомств Г.К. Котошихин на первое место по значимости ставил Тайный приказ, далее следовали Посольский приказ, Разрядный приказ («министерство обороны» того времени), приказ Большого двorca, Стрелецкий приказ и т.д. Тайный приказ взял под контроль розыски по «слову и делу», привлекая внимание царя. Из ранних дел Тайного приказа, которые относились к «государеву слову и делу», можно отметить преследование слухов о подмене царевича Алексея Михайловича, которым якобы заменили девочку-царевну, родившуюся в семье Михаила Романова.

Куда более серьезную и реальную подоплеку имели дела Приказа 1661–1663 гг., связанные с сыском по делам фальшивомонетчиков. Эти дела стали «трамплином» для карьеры первого главы Тайного приказа дьяка Д.М. Башмакова. Впоследствии он достигнет чинов думного дьяка и думного дворянина, а в царствование Федора Алексеевича станет царским печатником. В ходе расследования «медного дела» Башмаков одновременно с Тайным приказом возглавил специально созданный Сыскной приказ денежного дела.

Фальшивые деньги производились людьми разных чинов. Их ловили, казнили, заливая расплавленное олово в горло, но возможность быстрого обогащения рекрутировала новых «умельцев». Но главное «воровство» розыск вскрыл на денежных дворах в Москве и Новгороде. В Новгороде фальшивые деньги чеканили под руководством главы здешнего Денежного двора. На московских дворах царский тесть И.Д. Милославский изготовил из своей меди денег на 120 тыс. руб., привлек к этому делу еще и датского резидента, богатого купца и русского железозаводчика Питера Марцелиса.

12 августа 1663 г. через Тайный приказ был обнародован указ Алексея Михайловича о наказаниях фальшивомонетчиков. Жестокие расправы постигли фальшивомонетчиков и многих денежных мастеров (наказали 40% мастеров Нового денежного двора в Москве). Из высокопоставленных особ пострадали начальник Новгородского денежного двора и Марцелис. Последнего допрашивал в 1662 г. в Тайном приказе сам царь и приговорил к конфискации торговых капиталов, железоделательных заводов, домов, личного имущества и вместо первоначального решения выдворить за рубеж отправил в темницу. И.Д. Милославского царь ругал, но простил. А в 1665 г. освободил и Марцелиса, таланты и знания которого потребовались для российской дипломатии, составления Новоторгового устава 1667 г., а чуть позже и для возведения новых гостиных дворов в Архангельске. Заводы в Туле и Кашире были возвращены Питеру Марцелису в 1668 г.

Другими «великими государевыми делами», к которым был привлечен Тайный приказ, стали процессы по делам староверов. Тайный приказ отправил в ссылку в Угрешский монастырь дьякона Федора и протопопа Аввакума.

И, конечно, Тайный приказ не остался в стороне от, пожалуй, самого громкого дела времен Алексея Тишайшего – дела патриарха Никона. Царь непосредственно руководил делом Никона. В архиве Приказа сохранялись черновики собственноручно написанных Алексеем Михайловичем писем к вселенским патриархам с вопросами, о чем им писал патриарх Никон [Дела Тайного приказа 1907, стб. 845]. Впоследствии в грамоте от 12 декабря 1666 г. о низложении Никона Церковным собором бывшему патриарху вменялось в вину, что он в переписке с восточными иерархами называл царя «латинотумудренником, мучителем и обидником», из-за которого российская церковь «в латинские догматы скоро впадет». Речи патриарха отражали его

недовольство усилением влияния на царя духовных «западников» («латынников») – Симеона Полоцкого и митрополита Газского Паисия Лигарида (Ликаридиус в документах Тайного приказа).

Интересно, что Паисий прибыл в Россию в 1662 г., имея давнее (1656) приглашение самого Никона. Патриарх, узнав о прибытии Паисия, отправил к нему Арсения Грека, выразив надежду, что с прибытием Паисия «все придет к глубочайшему миру», рухнет «средостение» между патриархом и царем [Скрипкина 2012, с. 28]. Но в противостоянии царя и патриарха Паисий быстро принял сторону Алексея Михайловича, от которого зависело его положение в Московском царстве. Митрополитом Газским Паисий назывался к 1662 г. явно незаконно. Будучи назначенным на этот пост иерусалимским патриархом Паисием I в 1652 г., он не поехал в Газу, жил в Валахии, а новый иерусалимский патриарх Нектарий вообще отлучил Паисия Газского от церкви. Паисий был уроженцем о. Хиоса, получил прекрасное образование в Риме в иезуитской коллегии св. Афанасия, из-за чего многие на православном Востоке, включая патриарха Константинопольского Парфения, смотрели на него косо, но все признавали Паисия знатоком церковного канонического права. Алексею Михайловичу он приглянулся. Получив от Паисия в подарок модель Храма Господня, иорданскую воду и иерусалимские свечи, царь сразу пожаловал ему серебряный кубок, 40 соболей, 30 руб. денег, к которым вскоре добавил еще 100 руб. Паисий стал убеждать Никона «смириться, воздав кесарево кесареви», называл русского царя «римской монархии наследником» [Послание Патриарху Никону 1882, с. 235], чем только разозлил Никона, и тот в сердцах пригрозил искать суда у Папы [Воробьев 1893, с. 5]. После этого Паисий посоветовал царю Алексею судить Никона с участием вселенских патриархов, сильно зависящих от российских «милостыней».

В «столпах» (подборках документов) Тайного приказа, составленных в 1676 г. при его закрытии, находились черновики, написанные царской рукой на предмет составления грамот с приглашением в Россию восточных иерархов. Также присутствуют записи устных приказов государя, касавшихся дела Никона [Дела Тайного приказа 1907, стб. 845]. К примеру, на выписки «ис Святых Отец» вятского епископа Александра¹. Тайный приказ зафиксировал царские «статьи» (указания), как правильно толковать церковную реформу. Иосафу, архиепископу Астраханскому, греку Паисию Ликаридиусу и боярину кн. Н.И. Одоевскому «с товарищи» послали «статьи», что «велено о Никоне патриархе выписать ис Святых Отец» [Дела Тайного приказа 1907, стб. 845]. Интересно, что перечень «неправд» Никона, первоначально был сформиро-

1. Выписки были направлены против новопечатных книг. Впоследствии Александр одумался, раскался в своих староверческих заблуждениях на Церковном соборе 1666–1667 гг., был прощен и принял участие в осуждении старообрядцев и Никона.

ван на основе 30 ответов Паисия Газского на вопросы о Никоне, которые в 1663 г. задал ему по царскому приказу С.Л. Стрешнев².

Из Тайного приказа Паисию, Иосафу и Н.И. Одоевскому «с товарищи» были выданы также «статьи» государя, «как им, будучи в Воскресенском монастыре, Никону... о неправдах его и о неправой его клятве говорить» [Дела Тайного приказа 1907, стб. 846]. Эти «статьи» были лично развезены адресатам дьяком Тайного приказа Д.М. Башмаковым, который представил царю отчет о вручении указаний, а чуть позже и записку об ответах Никона на вопросы царских посланцев [Дела Тайного приказа 1907, стб. 846].

Через Тайный приказ царю быстро предъявлялись письма опального патриарха, «сыскное дело про печатные книги ево же Никонова жития», переводы писем Афанасия, митрополита Иконийского, и других высоких чинов восточных православных церквей [Дела Тайного приказа 1907, стб. 846].

Для легитимной отставки Никона решено было созвать Церковный Собор. С грамотами к восточным иерархам выехало посольство во главе с дьяком Мелетием Греком. Среди его помощников был и подьячий Тайного приказа Еремей Полянский, получивший особые царские распоряжения. По указанию из Тайного приказа для посольства была составлена проезжая грамота. Проезд посольства отслеживался. В Тайном приказе слушали доклад головы московских стрельцов Никиты Десятого, вернувшегося из Канева с «вестями», читали «роспись грека Савелия Дмитриева о вестях», ответы на государевы грамоты в Астрахань от боярина Я.Н. Одоевского, фиксировали письма и отписки других людей, в частности Артамона Матвеева и Ивана Ржевского, «о проведыванье вселенских патриархов». Тайный приказ вовремя получил известие о прибытии посольства Мелетия в «Турецкую землю» [Дела Тайного приказа 1907, стб. 847–848].

По ходу дела провели следствие по извету Михаила Афанасьева на патриарха Никона, розыск о «неистовых речах» суздальского попа Никиты, сидевшего под стражей в Симонове монастыре, и следствие по речам дьякона-монаха, родом грека Агафагелла, завершившееся составлением в Тайном приказе «росписи уликам» [Дела Тайного приказа 1907, стб. 847].

По возвращении дьякона Мелетия и подьячего Еремея Полянского в Тайном приказе была составлена «роспись» представителей черного и белого духовенства, которые должны были присутствовать в Столовой палате «для досмотру и опазнованья вселенских патриархов приписки их рук у соборного деяния» [Дела Тайного приказа 1907, стб. 846–847].

Тайный приказ имел прямое отношение к организации приезда иерархов восточных церквей в Россию. В частности, по указанию Тайного приказа сокольник Дмитрий Раков разведывал состояние сухопутной дороги от Сим-

2. *Самого Стрешнева Никон предал проклятию, узнав, что боярин якобы приказал благословлять своего пса* [Скрипкина 2012, с. 29].

бирска до Москвы. 30 сентября 1666 г. он представил отчет с указанием расстояний на пути от Симбирска до Москвы через Алатырь, Арзамас, Муром, Владимир, описал наличие или отсутствие мостов, переправ и т.д., а Тайный приказ разослал на места «памяти» с указанием, какие приготовления необходимы для проезда патриархов [Булгаков, Барсукова 2017, с. 62–63].

Дело Никона на Большом Московском соборе тянулось с конца ноября 1666 г. – по февраль 1667 г., но по сути все было решено 12 декабря 1666 г., когда была составлена грамота о низложении Никона с патриаршества. Ее подписали патриарх Александрийский Паисий, патриарх Антиохийский Макарий³ и прочие члены синклита из высокопоставленных российских духовных лиц, двух представителей киевской митрополии, нескольких представителей восточных православных церквей и одного сербского епископа. Главной виной Никона посчитали то, что он «досадил» царю, самовольно оставив патриарший престол и уйдя из Москвы в июле 1658 г. [Деяние Московского собора 1897, с. 438–439].

После завершения суда над Никоном в архиве Тайного приказа были собраны важнейшие бумаги по делу бывшего патриарха. Здесь, в частности, находились: «столп» документов 1656, 1658–1660 и 1662 гг. с грамотами патриарха Никона, докладом о «доезде» к Никону дьяка Тайных Дел Д.М. Башмакова, «тут же выписка из сказок... митрополитов и архиепископов, и бояр, и окольных, и думных людей и всяких чинов людей о отрицании Никонове патриаршеского престола» [Дела Тайного приказа 1907, стб. 849]; три тетради с перепиской царя и Никона от 1665 г., где патриарх соглашался не именоваться Патриархом Московским, но требовал от царя позволения жить ему в основанных им монастырях; собранные в книгу 123 тетради, среди которых находилось письмо, в котором Никон изложил свои возражения на беседу боярина С.Л. Стрешнева с Паисием Газским [Дела Тайного приказа 1907, стб. 848]; «столп» 1666–1667 гг. с грамотами Алексея Михайловича «с милостивым словом» к гетману Ивану Брюховецкому за поимку в Запорожье и присылку в Москву «детины Федотки», племянника Никона, которого бывший патриарх тайно послал с письмами к вселенским патриархам [Дела Тайного приказа 1907, стб. 849–850]; в отдельном «ящичке, оклеенном раковинами», находилось «письмо советное» (без перевода на русский язык), адресованное царскому посланцу к вселенским патриархам дьякону Мелетию от Ивана Фартеоилака с предупреждением, что Никон писал к запорожскому атаману Тетере,

3. Вселенский константинопольский патриарх Парфений заявил, что участие в Московском Церковном соборе 1666–1667 гг. Паисия Александрийского и Макария Антиохийского канонически неоправданно. Парфений созвал Собор восточных церковных иерархов, который лишил Парфения и Макария патриаршества под предлогом «оставления» своей церкви и паствы.

чтобы его, Мелетия, поймать [Дела Тайного приказа 1907, стб. 852]; еще в ящичке были «грамота Греческого писма к великому государю, что привез подъячий Еремей Полянский, перевод с нее поднесен государю», «столпчик» с грамотами «греческого писма» без переводов и роспись денежных доходов 1664 г. Новгородской Чети, а также золотых и ефимков, которые ушли на оплату подготовки к прибытию восточных иерархов [Дела Тайного приказа 1907, стб. 851–852].

Значимые процессы по «государеву слову и делу», которыми занимался Тайный приказ, случились перед вступлением овдовевшего Алексея Михайловича во второй брак, они отразили придворные интриги, тайны и борьбу боярских «партий». Причем, как явствует из донесений из Москвы нидерландского посланника Николая Гейнса [Седов 2006, с. 308] и найденного П.В. Седовым неизвестного ранее фрагмента следственного дела о подметных письмах [РГАДА Ф. 27. № 564, л. 1–3], боролись за влияние не только «партия Милославских» и «партия» Артамона Сергеевича Матвеева.

Царица Мария Ильинична из рода Милославских умерла 3 марта 1669 г., 14 июня за ней последовал шестилетний царевич Симеон, а 17 января 1670 г. на 16-м году жизни скончался старший царский сын и наследник Алексей. Ввиду слабого здоровья младших сыновей государя, восьмилетнего Федора и трехлетнего Ивана, новый брак царя стал государственной необходимостью из опасения угасания династии. Родню и окружение новой царицы ожидали высокие должности и чины. Однако наличие двух малолетних царевичей оставляло за Милославскими и прежними высокопоставленными боярами часть их политического «веса».

Смотрины кандидатур в царские невесты проходили с 28 ноября 1669 г. по 18 апреля 1670 г., прерываясь лишь на две недели в связи со смертью царевича Алексея. Из 12 девиц царю приглянулась Наталья Нарышкина, представленная А.С. Матвеевым уже после смерти царевича Алексея. Но в последний момент, 17 апреля, вологодский дворянин Иван Шихарев представил свою племянницу Авдотью Беляеву. П.В. Седов видит в демарше провинциала Шихарева интригу придворной закулисы, направленную против Матвеева.

22 апреля в сенях Грановитой палаты и на дверях Шатёрных сеней обнаружили подметные письма, которые дворецкий Богдан Матвеевич Хитрово отнес царю. Под подозрение попал Иван Шихарев, но он стоял на своей непричастности к письмам, выдержав 13 ударов кнутом и пытку огнем. Зато вскрылись его попытка просить лейб-медика Стефана фон Гадена при осмотре «царских невест», похвалить здоровье, а главное руки его племянницы Авдотьи, так как при смотринах девушки дворецким Б.М. Хитрово руки показались тому «худы» [Седов 2006, с. 310]. «Из неизвестной ранее части следственного дела узнаем, что Шихарев пользовался покровительством некоторых придворных», а именно: боярина князя А.А. Голицына, стольников И.Ф. Волынского и князя

С.И. Татева, окольного Ф.В. Бутурлина и спальника И.В. Бутурлина, которых и стоит заподозрить в желании прервать карьерный взлет Матвеева. Возможно, в эту придворную «партию» входили и князья Одоевские, первенствующие в Боярской думе в 1669–1670 гг. Через пять лет явный враг А.С. Матвеева Иван Шихарев стал стряпчим боярина Я.Н. Одоевского, несмотря на то, что был наказан в 1670 г. за «непристойные слова», что «...племянница его в Верх взята, а Нарышкина сведена» [Седов 2006, с. 310–311, 313].

Следствие о подметных письмах продолжалось. 24 апреля по указанию из Тайного приказа стали «трясти» приказных людей и дворян, сравнивая их почерки с почерком руки, написавшей письма. Сурово пострадал дворянин Петр Кокорев за «непристойные слова» о смотре невест: «...лучше б они девиц своих в воду пересажали (т.е. утопили. – Т. Ч.), нежели их к смотру привозили» [Гурлянд 1902, с. 308]. Пытали Кокорева на предмет: не учил ли его кто так говорить? Выяснили: не учили.

Судя по сохранившимся фрагментам, по которым сверяли почерки, а также по челобитной А.С. Матвеева, поданной уже царю Федору III в 1681 г., автор подметных писем обвинял А.С. Матвеева, что он с помощью ворожбы (страшное обвинение по тому времени) расположил царя к Нарышкиной [Седов 2006, с. 311].

Кстати, 24 апреля 1670 г., параллельно сверке почерков Тайный приказ вел «сыск про траву черемицу» по делу дворни боярина князя А.А. Голицына, покровителя Шихарева и его племянницы. Выяснилось, что холоп Гараска Греков давал траву другому слуге Голицына Емельке Клементьеву и велел тому сыпать ее в щи «и давать людям есть» [Дела Тайного приказа 1907, стб. 875].

Судя по сообщению голландского резидента Н. Гейнса, в июне-июле 1670 г. прошел еще один розыск уже с пытками женщин из окружения сестер Алексея Михайловича. По версии Гейнса, царевна Ирина Михайловна тоже пыталась расстроить брак своего брата с Натальей Нарышкиной [Седов 2006, с. 313].

Уже после царской свадьбы появилось еще одно подметное письмо против Натальи Нарышкиной. Автора установили случайно [Седов 2006, с. 314]. «Слово и дело» объявил за собой московский кузнец Василий Полстовалов. Он слышал на столичном подворье Иосифо-Волоколамского монастыря, как в беседе с монастырским служкой Василием Ивановым холоп Матвеева Кирюшка говорил: Нарышкиной, что живет у Матвеева, «за великим государем в супружестве не бывать» и дворецкому Б.М. Хитрову тоже «в Верху не бывать же». Взятый в Тайный приказ Кирюшку на всякий случай попытали: не он ли автор нового подметного письма. С пытки холоп признал, что написал его, чтобы отомстить Наталье Нарышкиной, которая его «ругала». В оправдание говорил, что был пьян. Пьянством оправдывался и недонесший на Кирюшку Василий

Иванов. Слова о дворецком Хитрово не стали расследовать, но можно предположить, что в основе их было что-то подслушанное из речей Матвеева.

В 1675 г. Тайный приказ занимался новым «государевым тайным делом и сыском». По нему в Ростов ездили бояре князя Я.Н. Одоевский и А.С. Матвеев, допрашивали вдову стольника А.Б. Мусина-Пушкина Ирину Михайловну, которую потом под караулом в 50 стрельцов свезли в дальнюю деревню в ссылку. А под Москвой стрельцы досматривали всех, кто ехал в столицу или из нее, искали некие письма. В ссылку с матерью был отправлен и ее сын Иван Алексеевич. Дата рождения его неизвестна. П. Седов считает, что он родился в 1671 г., а историк А. Захаров полагает, что на 10–15 лет ранее, но не раньше 1655 г.⁴

Самой интригующей гипотезой этого дела можно считать версию, что речь шла о слухах или неких письмах, где утверждалось, что Иван Алексеевич Мусин-Пушкин был внебрачным ребенком царя Алексея Михайловича. Легенда о «царском происхождении» Ивана Мусина-Пушкина подкрепляется косвенными данными, как, впрочем, и опровержение ее⁵. Реальная причина ссылки матери И.А. Мусина-Пушкина остается загадкой, но она не помешала быстрой и блестящей карьере сына после кончины 29 января 1676 г. царя Алексея Михайловича⁶.

Не прошло мимо Тайного приказа и следствие по крупнейшему восстанию XVII в. – бунту Стеньки Разина. Непосредственный розыск велся двумя другими

4. Дата кончины мужа И.М. Мусиной-Пушкиной стольника Алексея Богдановича неизвестна, в литературе ее располагают между 1655–1669 гг.

5. В «Словаре достопамятных людей» Д.Н. Бантыш-Каменского в 1836 г. было напечатано письмо 1716 г. Петра I к своему свояку Б.И. Куракину, русскому резиденту в Голландии. «Господин подполковник! – пишет Петр, – Посылаем мы к вам для обучения политических дел племянника нашего Платона (сына И.А. Мусина-Пушкина. – Т. Ч.), которого вам яко свойственнику свойственника рекомендую. Петр». Копия этого письма сохранилась в РГАДА [Ф. 142. Оп. 2. Ед. хр. 9. Л. 232]. Известно, что и отца Платона – Ивана Алексеевича – Петр I часто именовал «братцем». Успешная карьера «братца» частью историков объясняется тем, что он был внебрачным сыном Алексея Михайловича. Эта версия впервые была озвучена за границей в 1867 г. в «Записках князя Петра Долгорукова», а также в книге известного собирателя дворянских преданий П.Ф. Карабанова «Исторические рассказы и анекдоты» в начале 1870-х годов. Гипотезу о царском происхождении И.А. Мусина-Пушкина поддерживает П.В. Седов [Седов 2006, с. 307–308]. Но большинство исследователей считает ее маловероятной. А. Захаров в статье, специально посвященной биографии И.А. Мусина-Пушкина, категорически отвергает ее [Захаров 2019].

6. 25 декабря 1676 г. царь Федор Алексеевич произвел Ивана Мусина-Пушкина в стольники. Царевна Софья пожаловала Мусина-Пушкина в сентябре 1682 г. чином окольничего, а Петр I в сентябре 1698 г. чином боярина. Это было последнее в истории пожалование боярским чином. В 1711 г. И.А. Мусин-Пушкин был введен в Сенат.

приказами – Казанским дворцом и Разрядным приказом, но в Разряде сидел дьяк Тайного приказа Томила Перфильев. Из Тайного приказа был направлен составленный лично Алексеем Михайловичем перечень вопросов к Степану Разину. Царя особенно интересовало: не имел ли низложенный патриарх Никон отношения к бунту. Тайный приказ периодически запрашивал у Казанского дворца и Разряда записи пыточных речей и очных ставок по делу Разина.

Однако, как справедливо заметил И.Я. Гурлянд, по поводу участия Тайного приказа в деле Степана Разина, надзирать за делом и вести дело – разные вещи. Когда царь Федор Алексеевич заинтересовался историей разинского похода «за зипунами» в контексте русско-персидских отношений, думные дьяки Дементий Минич Башмаков, Федор Иванов и Данила Полянский (все прошли службу в Тайном приказе) вынуждены были ответить государю, что «таких ведомостей в Приказе Тайных дел не бывало» [Дела Тайного приказа 1907, стб. 821].

Тайный приказ практически никогда не интересовался деталями. Документы его фиксировали лишь важнейшие моменты и по ним составлялись доклады царю, а потом приказ передавал царские указы в ту инстанцию, которая непосредственно вела дело.

Вообще розыски по «слову и делу» составляли лишь часть деятельности приказа. Тайный приказ также регулярно запрашивал «статейные списки» о воровских людях, татях, разбойниках и убийцах, дела которых были решены в Земском и Разбойном приказах [Дела Тайного приказа 1907, стб. 72], требовал именные списки колодников, «которые сидят в Приказе Холопьяго Суда» [Дела Тайного приказа 1907, стб. 115]. В ходе Русско-польской войны 1654–1667 гг. в Тайный приказ регулярно поступали «отписки» о поиске дезертиров. Примером контроля за одним из таких поисков служат «отписки» за 1658 г. Евсея Огарёва, который «по наказу ис Приказа Тайных дел» вел розыск о беглых рейтарах, драгунах, солдатах и стрельцах в Касимовском уезде, в Коломне, в Печерниках и Печерниковском уезде [Дела Тайного приказа 1907, стб. 67–68].

Археографическая комиссия издала «Переписную книгу документов приказа Тайных дел», составленную при его закрытии в 1676 г. В разделе «Сыскные дела» присутствует среди многих уголовных и иных дел сведение в один «столп» (№ 20) о 13 розысках по «слову и делу государеву» за 1656, 1661–1664, 1672 гг. [Дела Тайного приказа 1907, стб. 70–72]. Другие дела, которые можно прямо или косвенно отнести к розыскам «по слову и делу», разбросаны по разным «столпам» и «столпикам».

Большинство следствий провел не сам Тайный приказ, он только контролировал расследования и хранил «отписки» (отчеты) по ним. При этом розыски, которые прямо или косвенно относились к «государеву слову и делу», составляли мизерную часть от общего перечня дел, попавших в разряд «Сыск-

ных дел». К примеру, среди «Сыскных дел» 1663 г. на уголовные дела пришлось 11 дел, к «слову и делу» имели отношение три, к беглым солдатам и служилым иноземцам – два, беглым крестьянам – одно, по расследованиям служебных проступков и другим делам – восемь [Дела Тайного приказа 1907, стб. 70–72].

Тайный приказ отслеживал розыски по взяткам, произволу и «нерадению» воевод и дьяков на местах, жильцов, стольников, разных военных чинов. Часто одно расследование выводило на обнаружение более масштабного произвола. Так, в 1657–1659 гг. стольник Иван Афанасьевич Прончищев и подьячий Григорий Жданов вели сыск по делу сокольников Якова Мисюрера и Дмитрия Гавердовского, которые, находились в Новгороде для сбора налогов с людей разных чинов и при этом брали взятки, а также совершали грабежи пожитков «орешковских зарубежских выходцов» и «корелян». По ходу следствия выяснилось, что эти сокольники по научению стольника князя Ивана Голицына вывозили в его подмосковные вотчины «орешковских выходцов» «з женами, и з детьми и со всеми их животы... во крестьянство насильством» [Дела Тайного приказа 1907, стб. 69].

Интересовался Тайный приказ и уголовными делами. Их число превышало количество следствий по произволу и взяткам, не говоря уже о «государевом слове и деле». Татьба и разбой были широко распространены. В «столпе» сыскных дел за 1657–1664 гг. значится следствие по вооруженному нападению на Новодевичий монастырь. Разбойников поймали и пытали на предмет: где взяли ружья и куда дели «розбойную рухлядь» [Дела Тайного приказа 1907, стб. 109–111].

Попадали в поле зрения Тайного приказа и отдельные поиски и возвращения беглых крестьян. Так, Петру Лихачеву вернули его беглого крестьянина, который уже успел поступить солдатом в полк нового строя служилого иноземца Якова Ронорта [Дела Тайного приказа 1907, стб. 106].

В целом перечень документов Тайного приказа, описанных в 1676 г., составил четыре книги «Дел Тайного приказа», изданных в 1904–1926 гг., которые показывают, что все сыскные дела («государево слово и дело», разбойные дела, следствия о произволе и взятках и т.п.), были лишь одним из многочисленных направлений деятельности этого многофункционального государственного органа. Причем «государево слово и дело» отнюдь не лидировало даже среди прочих сыскных дел.

Именно незнание общего содержания архива Тайного приказа и привело И.И. Голикова, В.Н. Татищева, Н.Г. Леклерка и ряд историков XIX – начала XX в. к выводу, что этот Приказ можно рассматривать как специализированный орган «политической инквизиции» («tribunal de sang» у Леклерка) и связывать с Тайным приказом всякие политические гонения и произвол высшей власти. Гурлянд в качестве примера ложного вывода привел цитату из работы

Леклерка: «Раб доносил на господина, виновный на невинного; достаточно было произнести два страшных слова – “слово и дело”, чтобы лилась кровь и гибли невинные», при этом в соответствии со второй главой Уложения за вину одного отвечала и вся его семья [Гурлянд 1902, с. 3]. Как мы убедились, проанализировав Вторую главу Уложения 1649 г., там как раз впервые законодательно отменили наказание родственников преступника в случае, если сами они не были причастны к преступлению.

Тайный приказ как многофункциональная царская канцелярия

Тайный приказ играл роль царской канцелярии, через которую Алексей Михайлович, минуя обсуждение в Боярской думе, нередко стал издавать свои указы. Под «око» Тайного приказа царь прямо или косвенно поставил весь центральный аппарат. Дьяк Тайного приказа Дементий Минич Башмаков в 1658 г. руководил еще Литовским приказом, в 1658–1659 гг. – Устюжской четью, в 1663 г. – Сыскным приказом денежного дела. В мае 1664 г. Башмаков стал главой Разрядного приказа и был пожалован чином думного дьяка. Тайный приказ возглавил до 1672 г. дьяк Федор Михайлов, которому Башмаков с 28 февраля 1665 г. по приказу царя каждый день доставлял сводки о положении дел в полках. Под прямым контролем Тайного приказа был Аптекарский двор в Семеновском, откуда к царскому столу поставляли многие напитки: «доброе пиво», коричную, тминную, анисовую водку, хмельной мед, вино с «потешного» царского виноградника, квас и различные морсы.

Кроме того, Тайный приказ ведал начинания, к которым царь Алексей Михайлович проявлял личный интерес. Царь любил опекать нищих, часто оказывал материальную помощь обратившимся к нему служилым людям, посылал своих лейб-медиков «немцев» лечить придворных, снабжали которых лекарствами, производимыми в Аптекарском приказе. Вся эта благотворительность осуществлялась через Тайный приказ, о чем подробнее можно прочитать в статье О.В. Сёмина [Сёмин 2009].

Приказ ведал разные царские «хобби». «Да в том же Приказе, – сообщает Котошихин, – ведомы гранатного дела мастера, и всякое гранатное дело и заводы; а на строение того гранатного дела и на заводы денги, на покупку и на жалованье мастеровым людям, емлют из розных Приказов, откуда царь велит. Да в том же Приказе ведомо царская летняя потеха, птицы, кречеты, соколы, ястребы, челики и иные; а бывает теми птицами потеха на лебеди, на гуси, на утки, на жеравли...» [Котошихин 1884, с. 96–97].

Царь считал соколиную охоту «доброй потехою, которой утешается сердце и отвлекаются мысли от скорбей и печалей», в 1649–1650 гг. он даже принял личное участие в написании «Уложения сокольникя пути» [Булга-

ков, Барсукова 2017, с. 55]. Придворные сокольники, кречетники, ястребятники, размещенные в дворцовых селах Семеновском, Коломенском, Ваганьковском, а также Потешный двор в Семеновском, где содержалось до 3 тыс. «благородных птиц» (соколов и кречетов) и «неблагородных птиц» (коршунов, ястребов, орлов, сарычей) вместе с их кормом (100 тыс. голубей), перешли в управление Тайным приказом из Дворцового ведомства [Веселовский 1975, с. 67]. На содержание всего этого хозяйства Тайный приказ направлял каждый год около 75 тыс. руб. [Заозерский 1917, с. 262–263].

Охотничьи птицы считались лучшим «подарком» османскому султану, персидскому шаху и крымскому хану. Поэтому Тайный приказ регулярно выделял для посольств в эти государства «благородных птиц», которых везли и вручали монархам включенные в состав посольств сокольники. Так, к примеру, когда в 1663 г. окольный Ф.Я. Милославский возглавил посольство в Персию, с ним с соколами был отправлен сокольник Парфений Тоболин (его отец возил в свое время охотничьих птиц крымскому хану) [Булгаков, Барсукова 2017, с. 55].

Когда царь Алексей Михайлович увлекся идеей завести в России шелкопрядов, Тайный приказ был озадачен посадкой в подмосковных царских резиденциях тутовых деревьев. По этому поводу в 1665 г. Тайный приказ составил грамоты к киевскому и симбирскому воеводам о необходимости заготовки тутовых черенков. За 30 тысячами таких черенков в Киев из Тайного приказа был отправлен сокольник Раков, а за 20 тысячами симбирских черенков выехал сокольник Батогов [Заозерский 1917, с. 229–230].

Когда в 1663 г. Алексей Михайлович передал большую часть функций приказа Большого дворца Тайному приказу, тот стал назначать приказчиков в царские дворцовые вотчины. Среди этих приказчиков опять было много сокольников [Заозерский 1917, с. 229–230].

Вообще складывается представление, что при Алексее Михайловиче сокольники, подведомственные Тайному приказу, играли роль, похожую на ту, что отвел позже своим потешным солдатам, а потом гвардейцам Петр I. Интересно, что в регентство Софьи при формировании потешных полков «младшего царя» Петра, часть сокольников была сразу зачислена в их штат, а в 1695 г. большинство из 300 имевшихся к тому времени сокольников были переведены Петром в потешные Семеновский и Преображенские полки.

Выводы

Завершая разговор о политическом сыске при первых Романовых, можно констатировать рост числа следствий по политическим преступлениям. Это привело к юридическому оформлению понятия «государево слово и дело» во Второй главе Соборного уложения 1649 г.

Хотя регулярные органы политического сыска отсутствовали, Тайный приказ Алексея Михайловича отчасти централизовал контроль за розысками по «государеву слову и делу» и внес свой вклад в становление единообразия судебно-следственной практики. Другим достижением Тайного приказа в области политического сыска являлась попытка вести оперативную агентурную работу. Сотрудники Тайного приказа, прикомандированные к посольствам и войскам, часто совмещали официальную работу с ролью секретных царских агентов, о чем писал Г. Котошихин.

В целом же функция политического сыска у Тайного приказа совмещалась с ролью царской канцелярии и выполнением множества других царских поручений.

Библиография

Булгаков М.Б., Барсукова А.В. Дворцовые сокольники в России в XVII веке // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Культура. История. Философия. Право. 2017. № 1. С. 62–63.

Веселовский С.Б. Дьяки и подьячие XV–XVII вв. М.: Наука, 1975. 607 с.

Веселовский С.Б. Приказный строй Московского государства // Веселовский С.Б. Московское государство: XV–XVII вв. Из научного наследия. М.: АИРО-XXI, 2008. 379 с.

Воробьев Г.А. Паисий Лигарид // Русский архив. 1893. Кн. 1. С. 5–13.

Гурлянд И.Я. Приказ великого государя Тайных дел. Ярославль: Тип. Губернского правления, 1902. 390 с.

Дела Тайного приказа. Издание Императорской Археографической комиссии / Под ред. С.А. Белокурова, И.Я. Гурлянда. Т. 1. СПб.: Тип. Гл. Управления Уделов, 1907. 1756 стб.

Деяние Московского собора о низложении патриарха Никона. Деяние 14 // Дело о патриархе Никоне. Издание Археографической комиссии по документам Синодальной (бывшей Патриаршей) библиотеки. СПб.: Тов. «Печатня С.П. Яковлева», 1897. 453 с.

Заозерский А.И. Царь Алексей Михайлович в своем хозяйстве. Петроград: Научное дело, 1917. 352 с.

Захаров А. Боярин и граф Иван Алексеевич Мусин-Пушкин: Записная тетрадь и новые документы // Quaestio Rossica. 2019. Vol. 7. N 4. P. 1277–1296.

Курукин И.В., Никулина Е.А. Повседневная жизнь Тайной канцелярии. М.: Молодая гвардия, 2008. 638 с.

Марьин В.И. Слово и дело государево // Вопросы истории. 1966. № 3. С. 215–218.

Новомбергский Н.Я. Слово и дело государево (Процессы до издания Уложения 1649 г.) М.: Языки славянской культуры, 2004. 624 с.

Котошихин Г.К. О России в царствование Алексея Михайловича. Современное сочинение Григория Котошихина. Изд. 3-е. СПб.: Изд. Археографической комиссии. 1884. 196 с.

Послание патриарху Никону от 12 июля 1662 г. // Гиббенет Н. Историческое исследование дела Никона. Ч. 1. СПб., 1882. 1882 с.

Полное собрание законов Российской империи. Т. 1. СПб.: Тип. II Отд. Соб. Е.И.В. Канцелярии, 1830. 1072 с.

Рощупкин А.Ю. «Слово и дело государево» как отображение повседневности служилых людей южного пограничья во второй четверти XVII века // История: факты и символы. 2017. № 4 (13). 177 с.

Седов П.В. Закат Московского царства. Царский двор в конце XVII в. СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. 612 с.

Семин О.В. Исторический очерк филантропической деятельности приказа Тайных дел // Ученые записки РГСУ. 2009. № 10. С. 63–70.

Скрипкина Е.В. «Работа царю» газского митрополита Паисия Лигарида // Омский научный вестник. 2012. № 5. С. 28–30.

Успенский Б.А. Избранные труды. М.: Гносис, 1994. Т. 2. 688 с.

References

Bulgakov M.B., Barsukova A.V. Dvorcovy'e sokol'niki v Rossii v XVII veke [Palace falcons in Russia in the 17th century] // Vestnik Permskogo nacional'nogo issledovatel'skogo politexnicheskogo universiteta. Kul'tura. Istoriya. Filosofiya. Pravo. 2017. N 1. P. 62–63. (In Russ.)

Dela Tajnogo prikaza. Izdanie Imperatorskoj Arхеograficheskoy komissii [Cases of the Secret Order. Edition of the Imperial Archaeographic Commission] / Pod red. S.A. Belokurova, I.Ya. Gurlyanda. T. 1. SPb.: Tip. Gl. Upravleniya Udelov, 1907. 1756 stb.

Deyanie Moskovskogo sobora o nizlozhenii patriarxa Nikona. Deyanie 14. [The act of the Moscow Cathedral on the deposition of Patriarch Nikon] // Delo o patriarxe Nikone. Gurlyand I.Ya. Prikaz velikogo gosudarya Tajny'x del [Order of the Great Sovereign of Secret Affairs]. Yaroslavl': Tip. Gubernskago pravleniya, 1902. 390 p. (In Russ.)

Izdanie Arхеograficheskoy komissii po dokumentam Sinodal'noj (by'vshej Patriarshej) biblioteki. SPb.: Tov. «Pechatnya S.P. Yakovleva», 1897. 453 p. (In Russ.)

Kotshixin G.K. O Rossii v czarstvovanie Alekseya Mixajlovicha. Sovremennoe sochinenie Grigoriya Kotshixina [About Russia during the reign of Alexei Mikhailovich. A modern composition by Grigory Kotshikhin]. Izd. 3-e. SPb.: Izd. Arхеorg. komis., 1884. 196 p. (In Russ.)

Kurukin I.V., Nikulina E.A. Povsednevnyaya zhizn' Tajnoj kancelyarii [Everyday life of the Secret Chancery] M.: Molodaya gvardiya, 2008. 638 p. (In Russ.)

Mar'in V.I. Slovo i delo gosudarevo [The word and deed of the sovereign] // Voprosy' istorii. N 3. Mart 1966. P. 215–218. (In Russ.)

Novombergskij N.Ya. Slovo i delo gosudarevo (Processy' do izdaniya Ulozheniya 1649 g.) [The word and deed of the sovereign (Processes before the publication of the Code of 1649)] M.: Yazy'ki slavyanskoj kul'tury', 2004. 624 p. (In Russ.)

Poslanie patriarxu Nikonu ot 12 iyulya 1662 g. [Epistle to Patriarch Nikon dated July 12, 1662] // Gibbenet N. Istoricheskoe issledovanie dela Nikona. Ch. 1. SPb, 1882. 1882 p. (In Russ.)

Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii [Complete collection of laws of the Russian Empire]. T. I. SPb.: Tip. II Otd. Sob. E. I. V. Kancelyarii, 1830. 1072 p. (In Russ.)

Roshhupkin A.Yu. «Slovo i delo gosudarevo» kak otobrazhenie povsednevnosti sluzhily'x lyudej yuzhnogo pogranich'ya vo vtoroj chetverti XVII veka [«The word and deed of the sovereign» as a reflection of the everyday life of servicemen of the southern borderlands in the second quarter of the 17th century] // Istoriya: fakty' i simvoly'. 2017. N 4 (13). 177 p. (In Russ.)

Sedov P.V. Zakat Moskovskogo czarstva. Czarskij dvor v konce XVII v. [Sunset of the Muscovy. The royal court at the end of the 17th century]. SPb.: Dmitrij Bulanin, 2006. 612 p. (In Russ.)

Semin O.V. Istoricheskij ocherk filantropicheskoy deyatel'nosti prikaza Tajny'x del [Historical sketch of the philanthropic activity of the order of Secret Affairs] // Ucheny'e zapiski RGSU. 2009. N 10. P. 63–70. (In Russ.)

Sкрипкина Е.В. «Rabota czaryu» gazskogo mitropolita Paisiya Ligarida («Work for the Tsar» by Metropolitan Paisiy Ligarida] // Омский научный вестник. 2012. N 5. P. 28–30. (In Russ.)

Uspenskij B. A. Izbranny'e trudy [Selected Works]. M.: Gnosis, 1994. T. 2. 688 s. (In Russ.)

РОССИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

Veselovskij S.B. D'yaki i pod'yachie XV–XVII vv. [Order system of the Moscow state]. M.: Nauka, 1975. 607 p. (In Russ.)

Veselovskij S.B. Prikazny`j stroj Moskovskogo gosudarstva [Clerks and clerks of the 15th – 17th centuries] // Veselovskij S. B. Moskovskoe gosudarstvo: XV–XVII vv. Iz nauchnogo naslediya. M.: AIRO-XXI, 2008. 379 p. (In Russ.)

Vorob`ev G.A. Paisij Ligarid // Russkij arxiv. 1893. Kn. 1. P. 5–13. (In Russ.)

Zaozerskij A.I. Czar` Aleksej Mixajlovich v svoem xozyajstve [Tsar Alexei Mikhailovich in his household]. Petrograd: Nauchnoe delo, 1917. 352 p. (In Russ.)

Zaxarov A. Boyarin i graf Ivan Alekseevich Musin-Pushkin: Zapisnaya tetrad` i novy`e dokumenty` [Boyarin and Count Ivan Alekseevich Musin-Pushkin: Notebook and new documents] // Quaestio Rossica. Vol. 7. 2019. N 4. P. 1277–1296. (In Russ.)